ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2025. Том 18. Выпуск 5 | 2025. Volume 18. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Тропный контекст и лакановский нарратив: французский, русский и немецкий языки

Чижова А. О., Седых А. П., Вавилина Н. А.

Аннотация. Целью исследования является семиологическая экспликация алгоритма контекстной трансформации семантики языковых единиц в пространстве тропного контекста в корреляции с данными метафоро-метонимического нарратива французского психоаналитика Жака Лакана. Научная новизна исследования видится в применении комплексного когнитивно-коммуникативного подхода к анализу высказывания и в создании обновлённой модели лингвосемиологического описания тропных конструкций для уточнения понятийного аппарата и более чёткого структурирования терминосистемы нарратологии, а также теории языка и теории коммуникации. Достаточно новой представляется изложенная авторская идентификационная концепция мотивации порождения тропных конструкций, что создаёт дополнительные векторы для интерпретационно-экспликативного подхода к анализу нарратива. Важным моментом работы выступает отношение к языку как к открытой активно развивающейся системе семиотических опор и ориентиров, направленных на оптимизацию нарративной коммуникации, которая должна базироваться не столько на эмоционально-экспрессивном посыле, сколько на привлечении потенциала памяти, дополнительных когнитивных усилий, воли и воображения. Полученные результаты показали, что возможности выявления дополнительных дискурсных механизмов метафоро-метонимического нарратива позволят оптимизировать взаимовыгодную деятельность между представителями различных наук и дисциплин на путях конструирования и реализации моделей адекватной эмпатической коммуникации, коррелирующей с активизацией синергии лингвосемиотических и лингвокультурных параметров речевого акта.

EN

Trope context and Lacanian narrative: the French, Russian and German languages

A. O. Chizhova, A. P. Sedykh, N. A. Vavilina

Abstract. The aim of the study is a semiological explication of the algorithm of contextual transformation of the semantics of linguistic units in the space of tropic context in correlation with the data of the metaphor-metonymic narrative of the French psychoanalyst Jacques Lacan. The scientific novelty of the study is seen in the application of a comprehensive cognitive-communicative approach to the analysis of the utterance and in the creation of an updated model of linguo-semiological description of tropic constructions to clarify the conceptual apparatus and more clearly structure the terminology of narratology, as well as the theory of language and the theory of communication. The author's identification concept of the motivation for the generation of tropic constructions seems to be quite new, which creates additional vectors for the interpretative-explicative approach to the analysis of the narrative. An important aspect of the work is the attitude to language as an open, actively developing system of semiotic supports and guidelines aimed at optimizing narrative communication, which should be based not so much on an emotionally expressive message as on the involvement of the memory potential, additional cognitive efforts, will, and imagination. The results obtained showed that the possibilities of identifying additional discursive mechanisms of metaphor-metonymic narrative will allow optimizing mutually beneficial activities between representatives of various sciences and disciplines, on the paths of constructing and implementing models of adequate empathic communication, correlating with the activation of the synergy of linguosemiotic and linguocultural parameters of the speech act.

Введение

Актуальность работы состоит в востребованности, как научным сообществом, так и обществом всеобщего знания, полифункциональной синергии лингвистики, теории коммуникации, дискурсологии и нарратологии,

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20250301

© 2025 Авторы. © 2025 ООО Издательство «Грамота» (© 2025 The Authors. © 2025 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

а также в эпистемологической необходимости создания новой тропной аксиологии в русле поиска ярких и аутентичных оценок и решений для реализации возможностей эффективного роста как индивидуального, так и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание основ полимодальной нарратологии для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей с целью осуществления успешного контекстно-ситуативного взаимодействия.

Тропный анализ контекстно-нарративного толка представляет собой направление, находящееся в пространстве между несколькими дисциплинами – преимущественно лингвистикой и психоанализом – и опирающееся на оригинальный подход к языку и речи, рассматриваемых в их организации одновременно системно и ситуативно. В статье впервые прослеживаются принципы этого подхода, подчеркивая тесную связь дискурсологического и психоаналитического измерений. Описываются некоторые современные тенденции данного подхода в связи с растущей актуальностью, которую приобретает контекстуальная мультимодальность – то есть учет взаимодействия интралингвистических и экстралингвистических ресурсов: визуально-образных, проксемических, хронотопных – в отношении которых проблематика дискурсной реализации реструктурируется в русле новых тропных подходов к системности анализа и ситуативным характером речевого поведения с учетом сложных временных отношений и материальности, пространственности, а также мотивированного социально-художественного взаимодействия коммуникантов.

В задачи исследования входят:

– синергетический анализ высказывания из области специального нарратива и повседневного дискурса;

– выявление сходных элементов содержания обиходного и художественного дискурсов на уровне коннотативных смыслов тропных терминосистем;

– подготовка элементов эпистемологической базы для уточнения проектных механизмов анализа высказываний в рамках мультимодальной нарратологии.

Лингвосемиологическое моделирование мультимодального нарратива – это также реконструкция метадискурса с точки зрения способов тропеизации реальности, которая отражается в рамках дискурса соответствующего типа. Большинство филологов вне зависимости от своих эпистемологических приоритетов уделяют внимание данному феномену (Андреева, 2020; Карасик, 2016; Рикёр, 2004; Pruvost, 2000; 2005; 2014; Седых, Быканова, 2016).

Авторы в своём исследовании руководствуются принципом конвергенции теоретико-интерпретационного и практико-ориентированного подходов, связанных с принципом концептуализации метафоро-метонимического контекста не только как образно-художественной категории восприятия, но и как наделенной функциями, направленными на «удовлетворение насущных потребностей реципиента современного нарратива через адекватное восприятие лингвосемиотического потенциала означающих» (Kerbrat-Orecchioni, 2005, p. 25).

Тропно-контекстный анализ остается достаточно рецептивным не только для большинства областей гуманитарного знания, но и для недавно появившихся гибридных дисциплин: общего и частного языкознания (Алефиренко, Перехватова, 2011), риторики и стилистики (Рикёр, 2004), лексикологии и лексикографии (Pruvost, 2000), металексикографии (Rey, 2020), метадискурсной аксиологии и лингвосемиологии психоанализа (Седых, Акимова, Чижова, 2024), лингвистики креатива (Базылев, 2012).

Наряду с материалом теоретико-прикладного свойства в исследовании используются данные следующих пособий и словарей:

- Седых А. П., Багана Ж. Н., Лангнер А. Н. Русско-французский словарь. Профессиональная и обыденная коммуникация. М.: Флинта, 2010.
- Chemama R., Vandermesch B. Dictionnaire de la psychanalyse. P.: Larousse, 2018 (ChVDP).
- Collins Online Dictionary. https://www.collinsdictionary.com/ (COD).
- Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: P.U.F., coll. “Quadrige/PUF”, 2007 (LPVP).
- Plon M., Roudinesco E. Dictionnaire de la psychanalyse. P.: Fayard, 2023 (1re éd. 1997) (P&R).
- Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.

Основополагающие векторы исследования включают в себя: а) акцент на междисциплинарности и многомерности категории и термина «тропный контекст»; б) адекватное понимание информативного и ситуационного содержания высказывания в контексте вербализации образных концептов; в) построение релевантной модели интеракции с использованием позиций мультимодального нарратива Жака Лакана.

Лингвистика, тропный дискурс и лакановский психоанализ – понятия взаимосвязанные. Лингвосемиологическое моделирование дискурса – это также реконструкция метадискурса с учётом эпистемологической точки зрения, к которой принадлежит тот или иной дискурс. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Алефиренко, Перехватова, 2011; Карасик, 2004; Рикёр, 2004; Pruvost, 2005; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Дискурс и нарратив любого типа как многозначные и полиморфные явления обладают большим потенциалом эпистемологического развертывания, что отражается в работах филологов, социологов, теоретиков философии языка и коммуникации (Ким, 2024; Седых, 2022; Morin, 2006; Rastier, 2009; Identités sociales…, 2009; Kristeva, 2000).

Эпистемологические принципы работы опираются на следующие концепции исследователей и направлений: дискурсологии и дискурсной идентичности (Identités sociales…, 2009; Олянич, 2014), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Guillaume, 1982; Babu, 2014; Tabachnick, 2011).

Теоретическая значимость исследования видится в дальнейшей разработке практико-ориентированного подхода к изучению тропного дискурса и нарратива с интегрированием дополнительных синергетических параметров метадискурсного и трансдискурсного кластера гуманитаристики.

Результаты анализа источников актуальных концепций позволяют говорить о подтверждении научных положений теории языка, дискурсологии и нарратологии. Методика, теоретические позиции и результаты исследования открывают дополнительные возможности для дальнейшего развития теории лингвосемиологического моделирования, в частности реконструкции полифункциональной картины мира, а также для нового осмысления лингвокультурных процессов и роли креативной лингвистики в развитии тропной концепции общества знаний.

Методы исследования включают в себя когнитивно-коммуникативный анализ высказывания, а также выделение релевантных признаков метафоро-метонимического текстового пространства с целью создания адекватных эпистемологических предпосылок для фиксации и акцептации реалий мультимодальной активности.

Практическая значимость: результаты исследования найдут применение в процессе преподавания лингвосемиотических основ языкознания и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей педагогических институтов и научно-преподавательского состава классических и инновационных университетов.

Обсуждение и результаты

В последние десятилетия тропы стали привилегированным предметом исследования в гуманитарных науках. Тема представляет интерес для самых разных дисциплин: от лингвистики до когнитивной психологии, теории литературы и философии, дискурсологии и психоанализа.

По тонкому и злободневному замечанию Жана Прюво, «теперь уже не просто верно, что все, и ученые, и даже торговцы Центрального рынка Парижа, говорят метафорами, верно и то, что и мы должны поразмыслить над метафорой и довести точность наших размышлений до того момента, когда можно подвергнуть сомнению все вещи и слова, их отражающие, уровень и степень их метафоричности, подчеркнув тем самым важность тропного мышления для человечества» (Pruvost, 2014, p. 7). Как видим, высказывание французского учёного в косвенно-образной форме передаёт междисциплинарный и всепроникающий характер тропного восприятия окружающей действительности.

Прежде чем рассмотреть существо этого вопроса, следует договориться о некоторых важных терминах. И прежде всего о самом понятии тропа. Поэтому начнём с разъяснения того, что подразумевается под термином «троп», каковы основополагающие способы мотивации тропов и где в человеческом языке в целом локализуются тропные механизмы.

Троп

Попробуем определить троп с двух разных точек зрения: с точки зрения *знака* и с точки зрения *референции*. Начнём с *референциальной* концепции Пьера Фонтанье, для которого троп существует лишь тогда, когда «идея представлена под знаком другой идеи, когда происходит обозначение предмета именем другого предмета. В каком-то смысле это одно и то же значение, один и тот же объект, имеющий неправильный знак: так, луна имеет неправильный знак и становится серпом». Эта теория подстановки, которая уже давно пользуется популярностью и подразумевает, что у всего есть «правильное» имя, которое троп заменяет «неправильным» именем (Fontanier, 1977, p. 39).

Данную точку зрения следует отвергнуть, поскольку она основана на ошибочной концепции языка, согласно которой знак в языке является *надлежащим* (надлежащим или приспособленным к вещам). Напротив, здесь следует поразмышлять о явной некорректности лингвистического знака: знак лексикона некорректен именно потому, что он оказывается продуктом специфически человеческой операции, операции анализа или структурирования, формализации, то есть преобразования миров звука и смысла в означающие и означаемые.

В этом смысле животное коммуницирует только с помощью непосредственной и совершенной связи между *событием* и *значением*, оно может «говорить» только посредством подсказки и полной «приверженности» сказанному. Человек, со своей стороны, опосредует отношения *событием* и *значением*, устанавливая новую связь, разработанную на расстоянии от мира при помощи операции формализованного анализа и разделения, обозначаемую третьим промежуточным термином. Этот третий термин – *структура*, соссюровское знаковое значение, смысл. Человек может сказать что-либо, только сначала обозначив, диалектически эксплуатируя предшествующее значение, пытаясь заново «вложить» в вещи абстрактный и неподходящий смысл и знак. Именно эта существенное несоответствие знака языку, чистая десигнативная потенциальность, обосновывает саму возможность тропной активности. С другой стороны, именно в речи, которая актуализирует структуру, не противореча ей одновременно диалектически, поскольку она представляет собой попытку «переприсвоить» несвойственные знаки вещам, реализуется тропная активность.

По нашему мнению, предпочтительнее попытаться определить троп с точки зрения знака. Ключевая концепция, которую мы предлагаем, – это *мотивация*. Она призвана объединить различные семиотические процессы, такие как использование знака с целью получения вторичного, производного или коннотированного

значения или проецирование *плотности* и *насыщенности* конкретного значения. *Знак тропика* – это мотивированное обозначение. В общем, мы говорим, что знак мотивирован, если помимо своей знаменательной функции он передает информацию, которая может подтвердить его релевантность и номинативную точность. Возьмем банальный нетропический пример: деривационный лексический знак «яблоневое дерево» содержит эллиптический след предикации, считающейся истинной по отношению к вещи, которую этот знак обозначает: объект «яблоневое дерево» так названа потому, что это дерево, плодом которого является яблоко. Этот знак полностью оправдывает свое наименование: он словно бы «осмеливается» сказать то, что должен означать.

Вторая особенность тропа заключается в том, что он «вкладывает» свою мотивацию в совокупность только одного знака, а не во множественность его составляющих (фр. *pomme* = яблоко + суффикс *-ier*; *pommier* = яблоневое дерево), и не в символику фонетического материала, который его образует (например, рус. *кукушка*; фр. *coucou*) (здесь и далее – перевод автора статьи. – *А. С.*). Троп обыгрывает тождественность знака самому себе. В языке это, очевидно, явление полисемии, которое фактически основано на мотивации одного значения через другое в пределах тождества одного и того же знака.

Возьмем пример, который также имеет то преимущество, что иллюстрирует метонимический механизм на уровне когнитивных долингвистических предпосылок: французское наречие “*vite*”, имеющее форму прилагательного, с его, по крайней мере, двумя значениями (или десигнационными потенциями): 1) «быстро, в короткие сроки» («он быстро бежит или работает» = *il court ou travaille vite*) и 2) «скоро, через короткое время» («возвращайся к нам скорее» = *reviens parmi nous vite*). Второе значение основывает точность своего наименования, идентичного названию первого значения, на скрытом высказывании, иными словами, на скрытой предикации, которая связывает второе значение с первым. Таким образом, если бы нам пришлось извлечь эту предикацию, мы могли бы сказать, например: «быстро-скоро» (*vite-bientôt*) – это «быстро – с большой скоростью» (*vite – à grande vitesse*), поскольку наше современное представление о скорости таково, что более быстрое действие, как правило, сопровождается сопутствующим (метонимическим) явлением большей будущей близости эффекта или результата этого действия. «Быстро прибыть» сливается с когнитивной метонимией с «прибыть сюда через более короткий промежуток времени» (Седых, Багана, Лангнер, 2010).

Мотивация по идентичности или идентификации – таков «секрет» тропного механизма. Однако добавим, что примеры – знаки в языке, случаи полисемии, лексикализованные тропы, то есть находящиеся на формальной стороне обозначения и способности высказывания, – были выбраны исключительно из дидактических соображений. Действительно, по-настоящему интересные случаи тропной мотивации обнаруживаются в знаках через их употребление в речи, то есть в пространстве риторического или перформативного аспекта значения. «Настоящие» тропы присутствуют в употреблении в ситуации, в узусе высказывания (а не в значении). В этой второй лингвистической фазе, фазе высказывания или говорения, которая является попыткой заново присвоить себе нерелевантный знак, попыткой заново вложить структуру в обозначаемый объект, знак становится именем и предикацией. Таким образом, троп *in vivo* является мотивированной номинацией.

Тропный контекст

Термин «контекст» изначально относился к письменному тексту. Речь идёт о «целостности текста по отношению к одной из его сущностей, поскольку данное целое образует совокупность, которая придает определенное значение рассматриваемой сущности, причем это значение может отличаться от того, которое имеет эта сущность, когда она рассматривается изолированно или в другом тексте» (COD). Рассматриваемая текстовая сущность может быть словом, простым предложением, сложным предложением или отрывком, состоящим из нескольких предложений. В обиходе такой сущностью обычно является слово, о котором говорят, что оно имеет значение только в контексте.

В коммуникативной науке и лингвистике этот термин распространяется на устную коммуникацию, охватывающую несколько типов контекстов. Их типология различается у разных авторов. По нашему мнению, следует выделять *вербальный контекст* (также называемый лингвистическим) и *ситуативный контекст* (или коммуникативный, неязыковой, экстралингвистический, экстравербальный, невербальный), также называемый ситуацией общения. К этим типам Эуджен Косериу добавляет «*идиоматический контекст*, представленный языком, на котором человек общается» (Цит. по: Нарумов, 2005, с. 143).

Ситуационный контекст, как правило, определяет стилистический регистр, используемый говорящим, который проявляется главным образом в словарном запасе, но также и в других специфических чертах. Например, в семье, среди друзей, среди коллег по работе без различий в иерархическом уровне предпочтение отдается привычному, даже сниженному регистру. В высококультурной социокультурной среде, в очень вежливом общении, в официальных речах существует вероятность принятия формального регистра. Между людьми, которые не знают друг друга, в повседневных контактах (покупки, контакты с администрациями, профессиональные отношения) или между людьми, которые знают друг друга, но не находятся близко друг к другу, независимо от того, расположены ли они на одном и том же иерархическом уровне или нет, коммуниканты склонны выбирать разговорный регистр.

В нашем исследовании основной акцент смещён на *ситуативный* и *идиоматический* контекст. В данном случае контекстовая ситуативность коррелирует с преподавательским и лекторским нарративом Жака Лакана, который считал, что наибольшего воздействия на реципиента сообщения можно добиться только при живом общении, в противовес «книжной» виртуальной коммуникации (Lacan, 1973). Опираясь на элементы

концепции *идиоматического* контекста Э. Косериу, упомянутого выше, мы употребляем термин «тропный контекст» и наполняем его ситуативным содержанием, связанным с академической и исследовательской деятельностью французского психоаналитика, который создал свой специфически лакановский нарратив.

Концептуально-образный мир Жака Лакана

Нарратив Жака Лакана опирается на концептуально-образный принцип отражения реальности, который психоаналитик «заимствует» у художников (Диего Веласкес, Гюстав Курбе, Сальвадор Дали, Пабло Пикассо), чтобы разработать свою теорию взгляда и отношения к искусству. В этом ракурсе Лакан выделяет три регистра аналитического опыта – Реальное, Символическое и Воображаемое (*Réel, Symbolique et Imaginaire*) (Lacan, 1998).

Лакан «мобилизует» эти категории с 1950-х годов. Помимо произведений живописцев его вдохновляют идеи и творчество писателя Жоржа Батая, а также работы лингвиста Фердинанда де Соссюра и антрополога Клода Леви-Стросса, то есть концепции представителей структурализма. Для экспликации своей теории трёх регистров Лакан предлагает метафору: «Если взять объект “стол”, то *воображаемый* стол перекрывает функции этого объекта, мы едим за ним, на него можно поставить вазу, он является маркером приема пищи и т. д. *Символический* стол – это слово “стол”, поскольку оно связано с речевым потенциалом для передачи различных выражений: к столу! (*à **table**!*), снести до основания (*faire **table** rase* = букв. ‘сделать доску чистой; очистить стол’) – означающее “стол” может быть также вставлено в другие выражения, например, в лексеме “оглавление” (***table** des matières* = *букв.* ‘стол / доска с материалами’). Наконец, реальность состоит из остального, то есть из того, чего мы не знаем, но можем интерпретировать исходя из ассоциативных связей» (Lacan, 1966, p. 501). Рассмотрим каждую из лакановских категорий в контексте обнаружения концептуально-образной составляющей нарратива.

Символическое (*Symbolique*)

Символическое находится в сфере означающих, то есть звуков, имеющих смысл, даже если этот смысл трудно или вовсе невозможно выразить иным образом. Означающие следует отличать от слов: слоги или готовые выражения могут иметь значение означающих.

Фердинанд де Соссюр (Saussure, 2021) в «Общем курсе лингвистики» (1912) представил означающее как акустический образ, вслед за ним Жак Лакан говорит, что «означающее – это то, что слышно» (Lacan, 1973, p. 507). Поэтому он настаивает на аналоге фонетики, специфичной для означающего. Однако постепенно он отходит от концепции Соссюра, поскольку не принимает произвольную связь между означающим и означаемым. Напротив, Лакан утверждает, что означающее оказывает влияние на означаемое. Для того чтобы эти два измерения были связаны, и чтобы означающие могли образовать означающую цепочку, в «сознании субъекта речи должна действовать метафорическая конструкция, коррелирующая с образом Отца» (Lacan, 1973, p. 507).

Воображаемое (*Imaginaire*)

Воображаемое – это область визуальных, слуховых и чувственных образов. Психическая инстанция «Я», возникающая на стадии зеркала, поддерживается воображением.

Воображаемое может показаться первой структурой в хронологии появления, областью восприятия мира индивидом. При этом символическое участвует в построении воображаемого посредством речи (в частности, с опорой на речь матери), которая допускает номинации, а значит, и разграничения форм, связанных с чувственным опытом. Таким образом, на стадии зеркала ребенок узнает свое тело в изображении, потому что его мать (опосредованно) говорит ему об этом и разделяет его удовольствие от этого открытия (Lacan, 1966, p. 95).

Согласно мнению исследователей, лакановская теория воображаемого предлагает решение проблемы, обозначенной Фрейдом, согласно которому «Эго одновременно является регулятором принципа реальности и в то же время функцией неузнавания (*méconnaissance*)» (ChVDP, 2018, p. 490).

По сути дела, здесь можно говорить о формировании связи между *Воображаемым* и *Символическим*, в известной мере – образностью языковых репрезентаций. Лакан подчёркивает, что «если связь между *Воображаемым* и *Символическим* выстраивается с раннего детства посредством материнской речи, то она стабилизируется после стадии Эдипова комплекса, где Фаллос замораживает связь между означающим (символическим) и означаемым (воображаемым) в речи *невротика*; с другой стороны, у *психотика* нет стабильной связи подобного типа» (LPVP, 2007, p. 271).

Реальное (*Réel*)

В концепции Жака Лакана «реальное» обозначает реальность, свойственную психозу (бреду, галлюцинации), поскольку она «состоит из исключенных (вытесненных) означающих символического» (LPVP, 2007, p. 273).

Реальность – это не реальность, которая для нас уже является конструкцией, полностью «пропитанной и сформированной языком». Лакан пишет, что «реальное есть невозможное», настаивая на неформальном характере реального, на его неоднородности, на его характере «израсходованного материала»: субъект вкладывает в реальное все, что он не может вложить в другое место, все, что не входит в сеть языка и воображаемых представлений, иными словами, все, что не имеет смысла (смысл, конституируемый посредством связи *Воображаемого* и *Символического*): «Между узлами смысла реальное проделывает дыру, в символической ткани оно проявляет себя как недостаток, даже если само по себе оно не является точным местом проникновения в семантику, а, напротив, проявляет себя как сырая консистенция, как полнота и потенциал содержания новых смыслов» (P&R, 2023, p. 592).

С точки зрения дидактических и профилактических задач лакановский нарратив подчиняется раскрытию и интерпретации неведомых смыслов с целью поисков путей решения проблемы обретения новой реальности, в частности выявления симптоматики неврозов и психозов, при помощи механизмов визуальной репрезентации образной составляющей высказывания как части глобальных параметров тропного контекста.

Лакановский нарратив

С лингвосемиологической точки зрения специфика нарратива Жака Лакана состоит в том, что дискурсное пространство его высказываний по преимуществу эволюционирует вокруг двух фигур речи: *метафоры* и *метонимии*. В рамках психоаналитического анализа неврозов и психозов Лакан объединяет метафору и метонимию с двумя механизмами работы сновидения, а именно **сгущением** (*condensation*) и **смещением** (*déplacement*), включив два термина в *схему-граф* желания (Lacan, 1966). Рассмотрим эти две категории с лингвосемиологической точки зрения как равноправные актанты метафоро-метонимического контекста, на базе и с учётом которого осуществляется тропная репрезентация композиционно-речевых структур художественного дискурса. Для этой цели используем примеры метафоро-метонимических интеракций, взятые из текстов классиков французской литературы:

Ma jeunesse ne fut qu'un ténébreux orage (Бодлер, «Враг») (букв. «Моя молодость была лишь коварной бурей» = Моя весна была зловещим ураганом).

Je suis un vieux boudoir plein de roses fanées (Бодлер, «Сплин») (букв. «Я – старый будуар, наполненный увядшими цветами» = Я – старый будуар, весь полный роз поблеклых).

Bergère, ô tour Effel (Аполлинер, «Зона») (букв. «Пастушка, о Эйфелева башня» = О, Эйфелева башня с блеющим стадом мостов поутру).

***Vieil Océan**, ô grand célibataire* (Лотреамон, «Песни Мальдорора», Песнь первая) (букв. «Старый океан, о, великий холостяк»).

*Cette **faucille d'or** dans le champ des étoiles* (Виктор Гюго) (букв. «Этот золотой серп в полях из звёзд» = Блестящий этот серп на звёздной ниве).

*Ce **toit** tranquille, où marchent des **colombes**, Entre les pins palpite, entre les tombes* (Поль Валери, «Морское кладбище») (букв. «Эта тихая крыша, где гуляют голуби, трепещет между соснами, между могилами» = Как этот тихий кров, где голубь плещет, Крылом, средь сосен и гробниц трепещет!).

Как видим, в метафорах первых четырёх высказываний два означающих синтагматически присутствуют рядом друг с другом: *юность и буря, поэт и будуар, пастушка и Эйфелева башня, океан и холостяк*, но в последних двух – замена лексем оказывается действенной и эффективной: *луна* исчезает за *золотым серпом*, *море* за *крышей*, а *паруса* за *голубями*.

В один ряд с вышеуказанными двумя формами метафоры можно поставить третью – метафорическую конструкцию "*famillionnaire*" (*familier* + *millionnaire*), одну из ключевых для лакановского нарратива, которая при этом является телескопированным неологизмом (Lacan, 1966), поскольку в ней два *означающих* – знакомый (*familier*) и миллионер (*millionnaire*) – объединяются друг с другом, образуя новое слово. Данный тип метафоры не является характерным для классической трактовки этой фигуры речи. Представим в тезисном изложении лакановскую версию экспликации, которая сводится к следующим позициям:

1. Замена лексем оставляет семиологический «осадок» в цепочке, который дрейфует и исчезает из поля чистой семантики.

2. Для фиксации образной составляющей композита метафора сопровождается метонимией, которой сопутствуют два структурно-символических акта семиозиса: поэтическая креативность дискурса и потенциал вытесненных метонимических «отходов», которые продолжают «излучать» энергию дополнительных смыслов.

В данной перспективе Жак Лакан также заявляет, что акт замещения сам по себе не является метафорой, но делает образность возможной и генерирует метафорическую субституцию. Именно в возможности субституции-замещения заключается порождающая сила метафоры (Lacan, 1966).

Как известно, *метафора* и *метонимия* соответствуют операции лексического замещения, но в случае с метафорой термин, выбранный для замены, располагается вне своего образно-концептуального поля, локализуясь как можно дальше, поскольку чем дистантнее вербализуемые концепты, тем ярче и точнее образная составляющая. В этом отношении образный заряд строки Бодлера «Я – старый будуар, полный увядших роз» свидетельствует о большом концептуальном разрыве, не только возможном, но и желательном между двумя *означающими*, которые и создают колоритную и визуально-сюрреалистическую метафору.

Жака Лакан представляет данное явление следующим образом: «Скажем, что современная поэзия заставила нас сделать здесь большой шаг, продемонстрировав, что любое соединение двух означающих было бы эквивалентно образованию метафоры, если бы для возникновения поэтической искры, иными словами, для осуществления *метафорического* творения, не требовалось условие наибольшего несоответствия означаемых образов» (Lacan, 1966, p. 507).

В метонимии же замена именований, вызывающая ее появление, происходит между двумя означающими, которые «живут», так сказать, в «добрососедстве». Одной из наиболее частотных форм метонимии является синекдоха, которая основана на принципе наименования части вместо целого, как в классическом пушкинском примере – «Все флаги в гости будут к нам» (флаги = страны) (Пушкин, «Медный всадник») – или отрывках из текстов хрестоматийных французских авторов: "*Paris a froid, Paris a faim. Paris ne mange plus de marrons dans la rue*" (Поль Элюар, «Смелость») (букв. «Парижу холодно, Парижу голодно. Париж больше не ест каштаны на улице»: Париж ↔ парижане); *Des yeux pleins d'envie brillaient au fond des fiacres* (Бальзак, «Отец Горио») (букв. «Глаза страстно блестели из глубины фиакров»: глаза ↔ люди в фиакрах представлены глазами, выражающими их желание).

Чаще всего метонимия заимствуется из повседневной речи, при этом генерирует достаточно мало новых значений, но исключения все же есть, например, метонимические речения в форме *острот*. В качестве образца метонимии Жак Лакан приводит ироничное высказывание Альфреда Жарри из пьесы «Король Убю» (*Ubu Roi*): «Да здравствует Польша, потому что без Польши не было бы поляков» (*Vive la Pologne, parce que sans la Pologne, il n'y aurait pas de Polonais*) (Lacan, 1966, p. 509). Аналогично, поговорка, которая меняет местами подлежащее и дополнение в этих двух предложениях, – «Не собака виляет хвостом, а хвост виляет собакой», – является одновременно метонимией и остротой. Отметим также утонченную и ироничную форму метонимии, называемую гипаллагой (перенос элемента из одной синтаксической группы в другую смежную), например, придуманная Жаком Превером и упомянутая Жаком Лаканом на одной из лекций: «Старик в золоте с траурными часами» (*Un vieil* ***homme en or*** *avec une* ***montre en deuil***). Между двумя определениями происходит курьёзная подмена: золото атрибутируется человеку, а траур – часам.

Пример остроумного высказывания двух интеллектуалов в одном из парижских салонов, рассматриваемого Жаком Лаканом, указывает на ещё одну из форм метонимии, которая определяется психоаналитиком как «трансфер значения» (*virement de la signification*). Так, во время светского приёма один из приглашённых заметил, что «золотому *тельцу* до сих пор поклоняются в виде вышитой золотом фигуры на костюме» (*on adore encore de nos jours le veau d'or, sous la forme de ce personnage cousu d'or*), собеседник отреагировал: «Да, но для *тельца* его лучшие времена уже прошли» (*Oui, mais, pour un veau, il a passé l'âge*) (P&R, 2023, p. 595). Таким образом, золотой телец как объект поклонения трансформировался в телёнка в лавке мясника. Фактически не произошло замены одного означающего другим, так как одно и то же означающее «телец» получило другое значение, и для осуществления подобной трансмутации даже не пришлось менять орфографию лексемы.

Когда метонимические конструкции употребляются слишком часто, они становятся клишированными выражениями. Это также подпитывает многие поговорки и выражения, которые стали общепринятыми, например, *prendre son courage à deux mains* (букв. «собрать свою смелость в обе руки» = собраться с духом; набраться смелости), или *avoir les poches percées* (букв. «иметь дырявые карманы» = быть транжирой). При этом иногда трудно определить, являются ли подобные выражения метафорами или метонимиями, например: *La plus belle mariée (femme) du monde ne peut donner que ce qu'elle a* (букв. «Самая красивая невеста [женщина] в мире может дать только то, что у нее есть» = Отдать можно только то, что имеешь) или *On ne peut pas plaire à tout le monde… et à son père* (букв. «Нельзя угодить всем… и своему отцу» = на всех не угодишь), *Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse* (букв. «Кувшин так часто ходит к колодцу, что в конце концов он разбивается» = Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить) или *faire le pied de grue* (букв. «стоять с поднятой ногой как журавль/кран» = томиться ожиданием; ждать у моря погоды; *прост*. заниматься проституцией). Проблема точной идентификации фигур речи остаётся животрепещущей не только для лингвистики, поскольку, как указывает Лакан, «истерики способны восстанавливать первоначальное, примитивное значение самых обычных и избитых выражений, и поэтому возникает вопрос, создаются ли их симптомы только с помощью метафор или же метонимии могут также служить основным материалом, с помощью которого они могут их изобрести» (P&R, 2023, p. 597).

Итак, если рассмотреть выражение "*faire le pied de grue*", которое означает, как указано выше, «терпеливо ждать кого-то или что-то», то, опираясь на его семиологию, можно передать фантазматическую идею о проституции и создать симптом, но данная процедура берёт начало из полисемичности слова ***grue*** (подъёмный кран; журавль; *сленг*. девушка лёгкого поведения), следовательно, при помощи использования механизмов метонимии. С другой стороны, поскольку это выражение связано с глаголом *attendre* (ждать), то можно, конечно, развить отсюда фантазию о беременности и интерпретировать речение как «ждать ребенка», но тогда не будет ли фразеологизм "*faire le pied de grue*" развёрнутой метафорой желания иметь ребенка. В этом выражении метонимический аспект скорее всего связан с означающим "***grue***", тогда как замена глагола "***attendre***" на глагол "***faire***" (***faire*** *le pied de grue*) будет «играть» на его метафорическом аспекте. Однако другие невротические симптомы, в своё время описанные Фрейдом, также могут продолжать вызывать вопросы в отношении этих двух тропов, даже несмотря на то, что они близки друг к другу до такой степени, Лакан иногда критически относился к метонимии, именуя её «неудачная метафора» (P&R, 2023, p. 600).

В этой связи оригинальными и в высшей степени перспективными представляются анализ и интерпретация семиологического функционала французского глагола ***faire*** (делать) через призму психоаналитического нарратива и с учётом взаимопроникновения фигур речи, проведённые французским психоаналитиком и писателем Лилианой Файнзильбер Основные положения исследования могут быть представлены следующим образом:

В одном из своих писем другу Фрейд описывает случай, в котором обнаруживаются следы невроза, проецирующие одержимость молодой девушки, ученицы школы кройки и шитья. В частности, он пишет: «Что касается навязчивого невроза, то подтверждается, что именно через словесное представление, а не через связанное с последним понятие (именно поэтому Фрейд называет его так, *означающее* и *означаемое*) вытесненное прорывается наружу (точнее, через словесную память)» (Freud, 2020, p. 21). Согласно Фрейду, в случае появления навязчивых идей самые разнородные вещи объединяются в формате слов со множественным значением. Молодая девушка скоро заканчивает свое ученичество. Навязчивая идея преследует ее: она должна продолжать учёбу, она должна сделать больше, она не закончила, она должна еще узнать все, что нужно знать. За ее навязчивыми идеями скрывается детское воспоминание: сидя на ночном горшке, она не хочет оставаться в этой позиции, одновременно говоря себе, что она должна остаться, что она должна сделать больше. Слово ***faire***, который

она употребляет чаще всего, позволяет связать актуальную ситуацию с детскими впечатлениями. По мысли психоаналитика, навязчивые идеи часто «используют» словесную неточность, чтобы «замаскироваться» и получить возможность множественного применения для разнообразной трактовки.

Попытаемся найти в этом клиническом примере объяснение, что такое *сгущение* и *смещение* по Фрейду, *метафора* и *метонимия* по Лакану и что можно сказать по этому поводу. Именно *означающее* глагола «делать» (***faire***) обеспечивает появление двусмысленности высказывания и, следовательно, дрейф смысла; оно также обеспечивает *трансфер значения*. Как же в этом случае можно определить симптоматическую метафору? Возможно, это происходит в результате подмены двух видов ученичества: шитья и чистоплотности. С самого детства мать девушки настойчиво повторяет: «Она не **делает** и никогда не будет **делать** достаточно» (*Elle n'en* ***fait*** *et n'en* ***fera*** *jamais assez*), и этот материнский приговор станет её навязчивой идеей, её одержимостью. Иными словами, с молодых ногтей глагол «учиться» (*apprendre*) постепенно заменяет глагол «делать» (***faire***).

В следующем письме Фрейд по-прежнему озабочен универсальным означающим «делать» (***faire***). Один из его пациентов в возрасте десяти лет страдал от приступа тревоги, «когда он пытался поймать черного жука "Кефера" (нем. Käfer = жук. Фонетически это немецкое слово почти идентично французскому вопросу *Que faire?* [kəfɛːʁ] = *Что делать?*), который не позволял ему этого сделать» (Freud, 2020, p. 27). Значение этого приступа остаётся неясным до сих пор.

Но в ассоциациях идей возникает дополнительная сюжетная история, которая направляет Фрейда на путь интерпретации. «Он (пациент) рассказывает мне, – пишет он, – разговор своей бабушки с тетей. Они говорили о замужестве ее матери, которая к тому времени уже умерла, и из этого разговора было ясно, что она долго колебалась, прежде чем принять решение. Э… внезапно прерывает свой рассказ, чтобы снова заговорить со мной о жуке (Käfer), о котором не упоминал уже несколько месяцев, а затем о божьих коровках (по-немецки Marienkäfer) (кстати, мать пациента звали Мари). <…> Сеанс прерывается, и в начале следующего сеанса он говорит мне, что вспомнил значение слова Käfer (фр. *Que faire?* [kəfɛːʁ] = *Что делать?*). Вы, вероятно, (обращаясь к адресату письма) знаете, что в нашей стране мы можем назвать женщину "gentil Käfer" (милый жук). Его служанка, предмет его первой любви, была француженкой, и он выучил французский раньше, чем немецкий» (Freud, 2020, p. 27).

Рассмотрим этот многоговорящий материал, на который указывает венский психоаналитик. В качестве подсказки имеется небольшой фобический симптом черного жука, который сам по себе является *метафорой*, как и любая *симптоматическая метафора*, которая дополняет «отцовскую метафору». На самом деле, в этом эпизоде мы видим указание на то, что именно мать «поддерживала» отцовскую метафору: она долго колебалась, прежде чем выйти за него замуж. Мать была более чем озадачена этим выбором, как и позднее её сын, задававшийся вопросом «Что делать?».

Как видим, *метонимия* балансирует на двусмысленности между французским и немецким языками, между двумя написаниями слова Käfer (*Que faire? = Что делать?*), но метафора – это фобия черного жука, которая является реакцией на недоумение матери относительно валидности отца, а также – на тоску перед лицом ее желания, желания божьих коровок, ("Marienkäfer"). Возможно, "gentil Käfer" сын называл свою служанку, поскольку она была объектом его первой любви, но этим «милым жуком», впрочем, мог быть и он сам, метонимически проецируясь на объект желания матери (Цит. по: Fainsilber, 2017, p. 17-25).

В своей статье «Инстанция письма в бессознательном» (*L'instance de la lettre dans l'inconscient*) Лакан, объединяя метафору и метонимию в рамках сгущения и смещения, указывает, что выбор той или иной процедуры осуществляется во сне в соответствии с «потребностями постановки (мизансцены)», того, что Фрейд называет "Rüksicht auf Darstellbarkeit" (букв. 'фактор репрезентативности')» (Lacan, 1966, p. 507). Однако, по-видимому, *сгущение* позволяет выразить то, что является бессознательным желанием, в то время как *смещение* позволяет нам избежать цензуры. Для Лакана метафора – это *метафора* субъекта, а *метонимия* – поддержка объекта, которую субъект не отчаивается обрести снова.

Таким образом, нарратив Жака Лакана, обладает признаками так называемого поэтического психоанализа, так как в нём широко и плодотворно используются стилистические фигуры, в частности метафора и метонимия. Нарратив французского психоаналитика по сути дела создаёт тропный метафоро-метонимический контекст, в котором эволюционирует не только живая мысль врача и исследователя, но и посредством которого осуществляется преподавательская и лекторская деятельность.

Заключение

Итак, последние десятилетия гуманитарные науки находятся на перекрёстке обновления и, возможно, кардинальной смены базовых парадигм научного знания, коррелирующих с поиском путей адекватного эпистемологического отражения мира, находящегося в плену высоких технологий, и связанных с ними стрессовых и психодеструктивных ситуаций, в которые с неизбежностью погружён современный человек. Одним из способов достижения гармонии объективного восприятия и релевантной интерпретации данных агрессивного информативного потока является реконструкция концептуально-образных моделей освоения действительности, «заимствованных» из художественно-поэтического дискурса, в частности метафоро-метонимического нарратива психоанализа Лакана.

Метафора и метонимия как взаимосвязанные явления содержат сходные элементы с точки зрения алгоритма организации интерпретационных схем высказывания, как в лингвистике, так и в психоанализе. Рассматриваемые

в рамках единых контекстных образований, данные виды тропов индуцируют трансформационные процессы семантического и семиологического свойства, как-то: концентрацию смысловой текстуры дискурса, а также смещение аксиологического фокуса интерпретанты высказывания.

Анализ ряда концептуальных позиций Жака Лакана наталкивает на мысль о том, что опыт психоаналитика приводит его к соприкосновению с речью в той мере, в какой он получает от нее свой инструмент, свою структуру и свой материал для дальнейших исследований и применения в профессиональной деятельности. Психоаналитический опыт помогает открыть структуру языка в инстанции бессознательного. При этом языковая область, реализуемая как функция речи, лежит в основе практики психоанализа и побуждает психоаналитика обратиться к медитации лингвиста, которую французский психоаналитик находит в филологических трудах современных исследователей, в частности в лингвосемиологии, основанной на структурном анализе языка, и рассматривает её как пилотную науку, в синергии с которой психоанализ обретёт эпистемологические преимущества и конструктивное применение своих прагматических подходов.

Креативное взаимодействие лингвистики и психоанализа становится всё более популярным среди исследователей разных школ и направлений и приобретает всё новые конструктивные форматы взаимного проникновения. Психоанализ и лингвистика, развивая потенциал изысканий прошлых лет, совместными усилиями теоретиков и практиков вновь обретают революционный дух в рамках лингвосемиологии, метадискурсологии и нарратологии. По сути дела, речь идёт не просто о новых возможностях лингвотерапии, но о лингвопсихоаналитической философии с элементами поэтики, о мировидении, основанном на стремлении к точности и рельефности терминологии, а также о креации обновлённого типа, свободной от предрассудков предшествующих научных парадигм.

Направление будущих исследований видится в развёртывании и расширении эпистемологических границ контекстного анализа специальных нарративов с применением обновлённых конверсационных моделей лингвосемиологического освоения дистантных языковых культур с целью обогащения существующих и создания новых этнокультурных метапространств национальных языков и дискурсов.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф., Перехватова Е. И. Фразеосемиозис в свете когнитивно-прагматической теории текста // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). Вып. 11.
2. Андреева М. И. Специфика значения фразеологизма: контекстологический подход (на примере фразеологизма “field day”) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 5.
3. Базылев В. Н. Наука о языке XXI века. М.: Флинта: Наука, 2012.
4. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
6. Ким М. Ю. Йазык говорящего тела в теории Ж. Лакана // О взаимоотношениях психического и телесного в норме и патологии: сборник научных трудов по материалам национальной научно-практической конференции. СПб., 2024.
7. Нарумов Б. Н. «Архитектура языка» в концепции Э. Косериу // Вопросы иберо-романской филологии: сборник. М., 2005.
8. Оляних А. В. Лингвосемиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
9. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
10. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
11. Седых А. П., Акимова Э. Н., Чижова А. О. Лингвистика и психоанализ: дискурс и метадискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7.
12. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.
13. Седых А. П., Быканова М. С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси: монография. Белгород: Издательский дом «Белгород», 2016.
14. Babu J.-Ph. Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l’article: Thèse pour obtenir le grade de docteur de l’université Paris-Sorbonne. P., 2014.
15. Fainsilber L. Les orthographes du désir. P.: Harmattan, 2017.
16. Fontanier P. Les figures du discours. P.: Flammarion, 1977.
17. Freud S. Sur la psychanalyse. Cinq leçons. P.: Flammarion, 2020.
18. Guillaume G. Leçons de linguistique, 1956-1957 / éd. par G. Plante. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
19. Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau. P.: Harmattan, 2009.
20. Kerbrat-Orecchioni C. Le discours en interaction. P.: Dunod, 2005.
21. Kristeva J. Le temps sensible. Proust et l’expérience littéraire. P.: Folio Essais, 2000.
22. Lacan J. L’instance de la lettre dans l’inconscient ou la raison depuis Freud // Écrits. P.: Éditions du Seuil, 1966.
23. Lacan J. Séminaire V. P.: Le Seuil, 1998.
24. Lacan J. Séminaire XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse. P.: Le Seuil, 1973.

25. Morin E. La méthode: en 6 vols. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
26. Pruvost J. Dictionnaires et nouvelles technologies. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.
27. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. № 137.
28. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
29. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
30. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. P.: Editions le Mono, 2021.
31. Tabachnick M. Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.

Информация об авторах | Author information

RU

Чижова Анастасия Олеговна[1]
Седых Аркадий Петрович[2], д. филол. н., проф.
Вавилина Наталья Александровна[3]
[1, 3] Институт международных экономических связей, г. Москва
[2] Московский международный университет;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

EN

Anastasia Olegovna Chizhova[1]
Arkadiy Petrovich Sedykh[2], Dr
Natalia Aleksandrovna Vavilina[3]
[1, 3] Institute of International Economic Relations, Moscow
[2] Moscow International University;
Belgorod National Research University

[1] *nnastik@yandex.ru,* [2] *sedykh@bsuedu.ru,* [3] *nat-fire@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.04.2025; опубликовано online (published online): 28.05.2025.

Ключевые слова (keywords): метафора и метонимия; тропная коммуникация; когниция; экспликация; идентификация; metaphor and metonymy; tropic communication; cognition; explication; identification.